

ЭВОЛЮЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Обращение к данной теме вызвано все более активным вниманием к феномену добровольчества как перспективному концепту новой социальной парадигмы. Вероятно, логика развития человеческой цивилизации, основанная на превышении запросов над нуждами исчерпала себя или близка к этому. Устойчивость и инерционность потребительской идеологии объясняется ее культурной укорененностью. В этом смысле можно говорить о культурном тупике, из которого можно выйти только волевым усилием. Однако чтобы выйти, нужно, как минимум представлять «куда?». В этом смысле, добровольчество видится как один из возможных ориентиров для выстраивания образов новой культуры и основанием для новых социальных практик.

Напомним, что в современных трактовках добровольный труд — целенаправленная деятельность, осуществляемая исполнителем (добровольцем) по собственному желанию на условиях, исключающих полную компенсацию со стороны заказчика или потребителя ее результатов.

Доброволец — лицо, по собственному желанию, добросовестно и целенаправленно осуществляющее какую-либо деятельность в интересах заказчика или потребителя, не требующее за эту деятельность полной (адекватной затраченным усилиям) денежной или материальной компенсации.

Казалось бы, парадоксальность самой идеи добровольчества достаточно очевидна для современного «рыночного» сознания. Однако еще парадоксальнее история добровольчества, вектор которой всегда был направлен «в обратную сторону», весь ход которой является альтернативой процессу, складывавшейся до настоящего времени («судьбы человечества»).

Строго говоря, термин «волонтер» изначально имел смысл, прямо противоположный современному. В средневековой Европе волонтерами называли людей, добровольно нанимавшихся на службу в армию. Существовала, конечно, армия «приписная», но в периоды боевых действий (которые велись в Европе перманентно и продолжительно) ей требовалось пополнение. Вот его-то и составляли волонтеры. Естественно ни о какой бесплатной службе речи не шло. Наоборот, между волонтерами и рекрутерами шли постоянные торги за более выгодные условия контракта. Известно немало фактов, когда при невыполнении контрактов волонтеры просто-напросто покидали свои части в поисках лучшего работодателя.

Значение термина постепенно менялось вследствие чисто бытовых отношений, возникавших меж-

ду уцелевшими на войнах волонтерами и жителями тех поселений, куда они возвращались после завершения контракта. Поскольку доля мужского населения после войны сокращалась, вернувшиеся волонтеры объективно были широко востребованы в хозяйстве и просто вынуждены были оказывать помощь соседям. Вероятно, такая помощь оплачивалась ниже, а многое делалось и вовсе бесплатно (соседски). Так, постепенно, спрос на волонтеров (т. е. бывших военных контрактников) формировался и в мирной жизни. Это слово стало нарицательным и обозначало социальную группу, — бывших военных контрактников — которая была востребована в качестве дополнительной рабочей силы с неполной компенсацией труда, а термин «волонтер» приобрел дополнительный смысл и стал обозначать человека, который может помочь «по хозяйству».

Несколько иной характер имело волонтерство, активно формировавшееся в Америке в период англо-французской войны и Великой американской революции, а, позднее — войны Севера против Юга. Здесь волонтеры уже составляли костяк американских вооруженных сил, но вступали они в армию не столько за деньги, сколько стремясь сохранить свой образ жизни, способ хозяйствования, независимость. Нередко они не просто сами шли служить, но использовали свое оружие, оказывали армии финансовую помощь. Здесь уже существенную роль играла идеология, позиционируя волонтеров как тех, кто жертвует собой во имя страны, справедливости, какой-то высокой цели.

В обоих случаях мы можем зафиксировать постепенное складывание благоприятного общественного мнения вокруг тех, кого называли волонтерами.

Что касается России, то здесь не было наемной армии и, соответственно, практика добровольчества складывалась в иной парадигме.

Общинно-коммунальный уклад жизни предполагал взаимную поддержку в качестве одного из условий хозяйственных успехов. Сама практика жизни в коммуне, система круговой поруки породили традиции взаимопомощи и взаимовыручки. Соответственно, добровольный труд длительное время выступал явлением самоценным, воспринимался как нечто естественное, не требующее специальной аргументации. В ситуации натурального хозяйства вопрос о денежных расчетах между жителями практически не стоял. В силу естественности и обыденности трудового взаимодополнения волонтерство, как особая группа не формировалось и общественным сознанием не отражалось.

Однако во всех случаях был общий момент. Везде волонтерская деятельность активизировалась во времена тяжелых испытаний, когда остро стоял вопрос выживания страны или какой-то группы населения. Сюда относятся войны, стихийные бедствия, эпидемии и иные катаклизмы, требующие высокой самоотдачи ради их преодоления. В этих случаях действия добровольцев выходили за рамки обыденности и могли быть зафиксированы и оценены обществом (особенно, это касается России).

Рассматривая данный период истории волонтерства можно охарактеризовать его как период стихийного зарождения явления, формирования предпосылок выделения его общественным сознанием как особого в ряду других социальных явлений. Несмотря на складывающуюся деятельность практику у волонтерства не было какого-либо организующего начала, а сами волонтеры не осознавали себя особыми людьми по сравнению с окружающими.

Начало следующего этапа развития добровольчества можно с большой долей условности обозначить рубежом XVIII—XIX веков¹. Это период начала капитализма и, соответственно, постепенного изменения характера социальных отношений. Естественно, процесс перехода к капитализму был неравномерен в разных странах, но именно капитализм заложил алгоритм развития мира вплоть до настоящего времени. Для нас важно, что при капитализме исчезает фатальная зависимость человека от врожденного социального статуса. Богатство и бедность теперь не предопределены свыше, а социальное и экономическое положение человека во многом зависят от него самого. В XVIII и особенно в XIX веке лучшие умы Европы и Соединенных штатов Америки вырабатывали идеологию безграничного обогащения. Теперь не титулы или церковный сан, а деньги начинают выступать главным фактором успеха и получения жизненных благ.

Неравномерное распределение ресурсов в условиях «равенства» и «братства» требовало новых инструментов поддержания социального мира². Важнейшим и с точки зрения имиджа, и с точки зрения эффективности инструментом стала благотворительность. История изобилует примерами, показывающими, что чрезмерное экономическое расслоение приводило к попыткам физического отъема и перераспределения богатства. В этом смысле экономическая элита была просто вынуждена жертво-

¹ Этапными здесь явились события Французской буржуазной революции.

² Одно дело, когда социальное неравенство предопределено Богом, и совсем другое — когда оно возникает как следствие человеческих отношений. Во втором случае, факторы, сдерживающие бунт значительно ослабевают и являют собой воплощение закона не Божьего, а человеческого со всеми вытекающими из этого проблемами.

вать часть своих доходов на медицину, образование, культуру, дополнительное питание и т. д. беднейших слоев населения.

В данном контексте любая помощь бедным, снимавшая социальное напряжение, была объективно одобряемой и поощряемой элитами общества, а, следовательно, почетной. Естественно, благотворительность была и морально-привлекательной, поскольку являлась делом благим и богоугодным. Иными словами возникли предпосылки для наделения благотворительной деятельности и людей ее осуществляющих особым общественным статусом.

В какой-то момент времени, волонтерство стало восприниматься как особая социальная услуга, имевшая исключительное нравственное значение. Будучи направлено на помощь страдающим и социально-незащищенным, оно естественным образом вписалось в систему благотворительной деятельности и до настоящего времени позиционируется как один из ее элементов. Здесь важно подчеркнуть, что добровольцами выступали люди, в подавляющем большинстве небогатые, не имеющие возможности делать финансовые пожертвования, но имеющие свободное время и навыки, востребованные их целевыми группами (учителя бесплатно занимались с крестьянскими детьми, врачи бесплатно вели прием беднейших жителей и т. п.). В то же время, моральный эффект от трудового вклада был зачастую сопоставим с финансовыми пожертвованиями состоятельных граждан. Нередко сами жертвования требовали рационального использования, что также могли обеспечить волонтеры, хорошо знающие нужды своих подопечных.

По нашему мнению, именно социальное одобрение способствовало появлению саморефлексии у самих волонтеров. Это с неизбежностью привело к рационализации деятельности, появлению центров аккумуляции волонтерских ресурсов и, в итоге — зарождению инфраструктуры волонтерства. XIX век смело можно назвать веком становления волонтерства как инварианта благотворительности. Достаточно сказать, что только в России количество благотворительных организаций, в большей или меньшей степени использовавших добровольный труд, измерялось в тысячах.

Здесь, однако, необходимо избежать идеализации и помнить, что при всем разнообразии мировоззренческой палитры, главный вектор формирования общественных отношений был четко ориентирован на базовую ценность капитализма — экономическое доминирование. «Богатство», «прибыль», «собственность», «конкурентное преимущество», «карьера» — вот ключевые ориентиры жизненной стратегии условной критической массы человечества (кстати, вплоть до настоящего времени). При всех оговорках и очевидном упрощении следует признать, что все т.н. развитые страны исповедовали идеологию потребления, неограниченного ис-

пользования ресурсов, избыточного накопительства. Именно в XIX веке эти идеологические и деятельностные императивы прочно вошли в нормативно-ценностные слои культуры, став самовоспроизводимыми на любых уровнях общественного сознания (от бытового, до теоретического).

Волонтерские же организации были малочисленными и, конечно, не могли влиять на «судьбу человечества». Вектор развития волонтерства был принципиально гуманистическим и, в этом смысле, противоположным вектору развития общества потребления. Сеем предположить, что волонтерство не было ассимилировано доминирующей культурой по трем основным причинам:

— во-первых, многие волонтерские организации создавались по принципу «самопомощи», вынужденно, являясь последней и отчаянной надеждой их участников на выживание в жестоком мире. Такие организации вполне рационально исповедовали внутри себя иную идеологию и могли вполне эффективно выживать благодаря внутреннему коммуналному укладу;

— во-вторых, само общество (и элиты, и низы) нуждались в таких организациях. Одни — элиты — использовали их в качестве инструмента смягчения социальных проблем и, таким образом, повышения уровня собственной безопасности. Другие — массы — были потребителями их услуг, поставляли новых членов. Общество нуждалось в моральных образцах, пусть не предназначенных для массового воспроизведения, но позволявших, по крайней мере, иметь некие ориентиры гуманности, человеколюбия, справедливости;

— в-третьих, данная деятельность поощрялась церковью, активно способствовавшей возникновению многих добровольных обществ.

Первая четверть XX века знаменует начало нового этапа развития волонтерства как социального и культурного феномена. Начнем с того, что на огромной территории — в России (далее — СССР) произошло резкое и коренное изменение идеологии.

Именно в СССР добровольный труд впервые был жестко отделен от благотворительной деятельности, которая считалась ненужной там, где «все равны» и каждому обеспечены государственные гарантии в сферах, традиционно являющихся заботой благотворителей (образование, здравоохранение, культура и т. п.). Это имело весьма важные последствия для концептуального оформления добровольчества, т. к. позволило:

во-первых, позиционировать его как самостоятельный вид общественной активности;

во-вторых, вывести добровольчество из зоны негативного бытования (помощь социально-незащищенным), сделав его оптимистичным и эмоционально привлекательным делом.

В советское время идеология добровольчества приобрела статус государственной. Общественный

труд всячески приветствовался, являлся важным условием статусного роста, а на этапе расцвета советского общества был реально престижен и почетен. Общественные организации создавались по инициативе государства и поддерживались им. Огромное количество специалистов было включено в общественную деятельность по месту работы. При этом именно советские, преимущественно административные методы внедрения идеологических императивов привели к подрыву духовных оснований добровольчества. С одной стороны — демонстративность, культовость исполнения общественных поручений «штатными общественниками», с другой — явное или скрытое принуждение к неоплачиваемым работам подавляющего большинства граждан («обязаловка») не могли не привести к утрате массовым сознанием первоначального гуманистического смысла идеи добровольчества. После прекращения принуждения, «массовое добровольчество» почти сразу исчезло.

Вывод «урока истории», на примере Советского Союза заключается в том, что административные инструменты категорически неприменимы для наращивания добровольческого потенциала. «Нельзя заставить быть добровольцем» — это правило, общее для всех стран и народов, имеет эмпирическое подтверждение благодаря нашей стране.

Однако если в советское время деструктивную роль играли факторы конъюнктурности и принуждения, то в постсоветской России мы имели массивную пропаганду вульгарного прагматизма, коммерциализации общественных отношений. Прямо или косвенно, в жесткой или мягкой формах, при одновременном воздействии практически на все социальные группы в сознание людей привносились идеи крайнего индивидуализма (в сущности — эгоизма), меркантилизма, показного потребительства. По сути, Россия вернулась в эпоху дикого капитализма (основательно подзабытую западными странами) место и роль добровольчества в которой мы описывали выше.

Между тем, добровольчество в странах Запада также претерпело серьезную эволюцию.

Во-первых, оно также преодолело рамки классической благотворительности. Гражданские движения, боровшиеся за равноправие женщин, за равноправие национальных меньшинств, за прозрачность политической и экономической систем, за экологическую безопасность и т. д., привели к созданию сотен новых направлений приложения волонтерских усилий (вплоть до привлечения волонтеров к обслуживанию Олимпийских игр, т. е. совершенно коммерческого мероприятия).

Во-вторых, оно оформило собственную инфраструктуру, построив ее по сетевому принципу, охватив своими оргвозможностями неограниченное количество стран.

В-третьих, оно сформировало собственную идеологию. Идеологию, в основе которой лежит кон-

цепция преобразования мира на основе социальной ответственности.

В-четвертых, оно осознало себя в качестве новой социальной силы, накопив опыт противодействия деструктивизму потребительства, четко провозгласило курс на дальнейшую экспансию во все жизненно важные сферы общественной жизни и хозяйства.

В-пятых, оно активно осваивает современные технологии самопродвижения — рекрутинга новых членов, экспансии в общественное сознание с использованием средств PR, социальной рекламы, образования и разного рода специальных проектов.

Сегодня волонтерское сообщество ожидает от правящих элит адекватной реакции на собственное присутствие в мире: «в целях создания более гуманного и справедливого общества, при содействии развитию международного сотрудничества, мы призываем государства, международные организации, предприятия, средства массовой информации быть нашими партнерами в создании международной атмосферы, благоприятной для эффективного открытого волонтерства — движения, воплощающего солидарность между людьми и народами» — говорится во «Всеобщей декларации добровольцев» (Париж, 1990 г.).

Современный этап развития добровольчества характеризуется стыковкой, унификацией западной и российской парадигм, фактическим слиянием ранее различных организационных и идеологических структур, обеспечивающих данную деятельность. Таким образом, процесс мировой интеграции субъектов волонтерской деятельности практически

завершен. Объявление ООН 2001 года — первого года нового тысячелетия — всемирным годом добровольцев, явилось знаком, символизирующим признание мировым сообществом как заслуг добровольческого движения, так и его ценностей и целей.

В силу ограниченного объема статьи, мы не имели возможности осуществлять цитирование и приводить описание волонтерской практики. Однако огромное количество примеров можно найти в следующей литературе.

Литература

1. Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. — СПб. : Лики России, 2001. — 845 с.
2. Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. — СПб. : Лики России, 2003. — 636 с.
3. Благотворительность в России: исторические социально-экономические исследования. — СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. — 608 с.
4. Всеобщая декларация добровольцев / принята на 11-м Конгрессе Международной Ассоциации Добровольцев (IAVE) в Париже, 14 сентября, 1990 г.
5. Нещеретний, П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России / П.И. Нещеретний. — М. : Союз, 1993. — 32 с.
6. Wilson, John. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work / John Wilson, Marc Musick // *American Sociological Review*. — 1997. — October. — Vol. 62. — P. 694—713.
7. www.bb.fond.spb.ru Интернет-библиотека «Исследования российской благотворительности».